

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Специальная задача для отечественной психологии заключается в необходимости реконструировать полно, непредвзято социальную психологию России, которую мы потеряли» (С. Говорухин). Исходной предпосылкой конструирования предмета социально-психологического исследования явилось представление о нем не только как о предметной абстракции, но и как о вполне культурно-историческом (содержательно-хронологическом) образовании. Поэтому структурирование психологического материала строится не традиционно – с описания социально-экономического контекста (1861 г. – отмена крепостного права), а с отражения событий в общественно-научной среде, предшествующих данному историческому факту.

Культура в самом широком смысле слова стала основным объектом социально-психологических исследований в системе философии революционеров-демократов XIX в. Исключительное значение общественно-психологическим факторам в развитии человека придавал предвестник революционных идей в России А. Н. Радищев (1749–1802). Человек, по его мнению, отличается от животных своей способностью сопечалиться, порадоваться другим людям. Само бессмертие человека возможно через его деяния и речь, посредством которых он может сохраниться в памяти потомков. Характер человека, развитие его духовных сил определяются не столько врожденными задатками, сколько особенностями обучения и воспитания, а также социальными условиями [10, с. 52–57].

Сложные вопросы о природе человеческой психики поднимал А. И. Герцен (1812–1870). В философских трактатах «Дилетантизм в науке» (1842–1843), «Письма об изучении природы» (1844–1845) и др. он преодолевает попытки механистической ограниченности в понимании психики человека, уподоблении ее психике животных [8, с. 298]. Герцен высоко оценил курс публичных лекций К. Ф. Рулье (1814–1858) на тему «Об образе жизни животных» (1845–1846), указав на глубокий методологический смысл данных о психологии животных, позволяющих понять возникновение человеческого сознания и его качественного отличия от психики животных [3, с. 527].

Диалектические взгляды на природу и человека, развиваемые в общепhilософском контексте, нашли свое отражение в рамках частной методологии конкретных наук того времени. Помимо естествознания следует отметить высокий уровень этнографии. В этом плане в постановке ряда проблем русские ученые на десятилетия опередили своих западноевропейских

коллег. «Еще в середине прошлого века К. Кавелия (задолго до Вундта) предложил метод психологического исследования духовной стороны человека по продуктам его деятельности – памятникам культуры, верованиям, фольклора» [14, с. 330]. В 1846 г. на заседании Географического общества с программой масштабного этнографического исследования выступил П. Надеждин, выделив три основных ее направления. «После языка, выражающего собой ... целостность человеческой природы, внимание этнографии, естественно, должно обращаться порознь на обе составные ее стихии, то есть “телесную” и “духовную” ... Это составит две другие части народоописательной науки, кои можно назвать “этнографией психической” и “этнографией физической» [1, с. 115]. Характеризуя психическую этнографию Надеждин писал: «Под именем “этнографии психической” я заключаю обозрение и исследование тех особенностей, коими в народах ... знаменуется проявление “духовной” стороны природы человеческой ... – все, что возвышает “человека” над живностью» [1, с. 116].

Важной областью развития русской науки была педагогика. Связанная с передовым движением в области народного просвещения непосредственно в предре-форменный период и воспитавшая в себе прогрессивные достижения в философии, этнографии, естественных науках она признавала «необходимость познания человека как целостного психофизиологического существа» [6, с. 28]. В качестве центральной ставилась задача теоретического осмысления закономерностей духовного и физического развития всех людей и обоснования значения этих закономерностей для организации воспитания и обучения. Решение (попытка) – в трудах Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского, П. Д. Юркевича, Н. Х. Весселя.

Н. И. Пирогов в 1856 г. публикует статью «Вопросы жизни», в которой проводится мысль о примате задачи воспитания перед обучением в процессе подготовки будущих специалистов и деятельности в различных областях социальной практики. По оценке К. Д. Ушинского, идеи Н. И. Пирогова «пробудили спавшую у нас до тех пор педагогическую мысль, а выдвинутый им принцип воспитания прежде всего человека в человеке должен стать требованием здоровой педагогики, основанной на психологии» [11, с. 11].

Н. Х. Вессель обозначил специфику человеческого развития: «Развитие человека определяется природными задатками, совершенствование которых идет по законам, общим для всех людей и внешним окружающим миром, дающим стимул и материал для природного развития, направляющим его в определенную сторону» [2, с. 320]. На этом основании Н. Х. Вессель выдвигал требования о распространении всеобщего развития.

Основополагающее и парадоксальное значение для последующего развития психологии в России приобретает полемика между П. Д. Юркевичем (1827–1874) и Н. Г. Чернышевским (1829–1889).

Психология Чернышевского строилась на основе философского антропологического принципа, в соответствии с которым «на человека надобно смотреть как на одно существо, имеющее только одну натуру, чтобы рассматривать каждую сторону деятельности человека как деятельность или всего организма с головы до ног включительно, или, если оно оказывается специальным отправлением какого-нибудь особенного органа в человеческом организме, то рассматривать этот орган в натуральной связи со всем организмом» [13, с. 292].

С критическим рассмотрением идей Н. Г. Чернышевского выступил философ и педагог П. Д. Юркевич. В статьях «Язык физиологов и психологов», «Наука о душе» он подчеркивает принципиальную недостаточность в рассмотрении психологии по образцу естествознания. Позиция Юркевича созвучна взглядам Герцена, который отвергал абсолютный физиологический детерминизм: «Действие, несомненно, является функцией организма, но оно не является обязательным и произвольным подобно дыханию или пищеварению... Физиология разлагает сознание свободы на его составные части, упрощает его» [3, с. 527].

Таким образом, развитие психологических идей в основном осуществлялось в русле методологии философии. Было признано необходимым познание человеческого сознания как качественно отличного от психики животных. Осуществлялись попытки определить задачи психологии, ее места в системе общественных наук. Основным предметом исследований стало взаимодействие в системе «индивид-человек».

Результатом революционно-демократического движения и общеисторическим фоном становления российской психологии явилась социально-экономическая реформа 1861 г., которая обусловила изменение всего нравственного климата общества и получила отражение в общественном сознании. Широко распространяется идея о равноправии и единстве всех людей. Основным средством освобождения и развития личности объявляется просвещение и, как следствие, возникает необходимость теоретического и практического осмысления проблем воспитания и обучения.

Необходимость связи психологии и педагогики, обоснованная в 60-х гг., стала основой различных исследований, направленных на комплексное изучение ребенка и разработку научных основ руководства его развитием. В 70–80-х гг. появляются первые результаты конкретных исследований: в 1877 г. П. Ф. Каптерев вводит термин «педагогическая психология», ставший названием его руководства для народных учителей и воспитателей, цель которого – донести до массы педагогов основные сведения по психологии [6, с. 75]. Итоги исследований публиковались в педагогических журналах: «Вестник воспитания», «Воспитание и обучение», «Семья и школа» и др. Издавались переводные труды пионеров детской психологии: В. Сигизмунда, Ч. Дарвина, Б. Пере, Дж. Селли [6, с. 80]. Согласно традициям,

заложенной в 60-х гг., развитие нравственных качеств личности трактовалось как задача более важная, чем развитие интеллекта и разработка научных основ системы обучения [6, с. 115]. Г. Роков формулирует главную задачу нравственного воспитания: «научить ребенка устанавливать иерархию нравственных устремлений, осознавать цели своих действий, направлять их на установление гармонии между личным и общественным» [6, с. 117]. Возникает необходимость широкого исследования духовных основ человека и общества. Особое значение для психологии приобретает деятельность лингвиста, создателя научной школы исторического языкознания А. А. Потебни (1835–1891). Язык в его трактовке – это основа народной психологии. «Первая, единственная примета, по которой мы узнаем народ и вместе с тем единственное, незаменимое ничем и неприметное существование народа есть единство языка ... Он есть орудие сознания и элементарной обработки мысли, и, как орудие, обуславливает приемы умственной работы ... Поэтому народность, то есть то, что делает известный народ народом, состоит не в том, что выражается языком, а как выражается» [1, с. 132].

Исходя из идеи исторического развития языка и сознания, А. А. Потебня подчеркивает, что язык – это не только базовое отличие человека от животного, но и определенная система приемов мышления, присущая конкретной этнической общности.

Позже, в 1926 г., Г. Челпанов писал: «...В России накоплен богатейший этнографический материал..., который вследствие незнакомства западных ученых с русским языком не использован для целей коллективной психологии. Герберт Спенсер выражал сожаление, что незнание русского языка мешает ему использовать материалы русской этнографии для целей социальной психологии. В 1911 г. В. Вундт, зная размеры использованного материала, выражал такое же сожаление. Долг русской науки – принять меры к тому, чтобы утилизировать этот материал» [1, с. 127].

Увы, российским ученым не удалось, так же как почетным членам Психологического общества России Г. Спенсеру и В. Вундту, выполнить завет Челпанова и «утилизировать» накопленный опыт, несмотря на знание русского языка [14, с. 332]. Мощное развитие естественнонаучного направления и введение эксперимента в научную общемировую практику вызвали широкий общественно-научный резонанс в России.

Использование эксперимента в 1879 г. И. А. Сикорским в целях педагогической практики вначале не получило широкого отклика. Но с образованием психологических лабораторий, начиная с середины 80-х гг. эксперимент стал входить в жизнь, возникло стремление связать с ним педагогический процесс. И если обоснованность применения эксперимента в общей психологии в целом не вызывало нареканий, то экспериментальные подходы к изучению высших психических процессов и состояний вызвали целый ряд дискуссий.

Н. Я. Грот (1852–1899), крупный организатор русской психологии в 80–90-х гг., в своей статье «Основания экспериментальной психологии» (1895) выступил в защиту эксперимента как нового направления в исследовании душевных явлений, подчеркивая при этом необходимость чисто психологического эксперимента в отличие от психофизиологического, каким он реально был в психологии того времени [4, с. 236].

А. П. Нечаев отмечал: «Первые (педагоги) являются обладателями тонких приемов исследования при полном отсутствии исследуемого материала, а вторые (психологи) – большим материалом, но без ясного сознания, как надо его оценивать» [6, с. 150].

В 1901 г. А. П. Нечаев организовал лабораторию экспериментальной психологии при Педагогическом музее военно-учебных заведений. По его инициативе были проведены Всероссийские съезды по педагогической психологии (1906, 1909) и экспериментальной педагогике (1910, 1913, 1916). На съездах обсуждались принципы и методы психологического исследования, проблемы соотношения теории и эксперимента. «Мнимую независимость педагогической психологии от педагогики и психологии, философских наук принимали многие ученые (М. М. Рубинштейн, 1913; Н. Д. Виноградов, 1916; П. П. Блонский, 1916). С другой стороны, большое значение имел критический анализ педагогических систем, построенных на умозрительных размышлениях философов об общественных деятелях» [6, с. 155]. Не находя конкретных ответов у психологов-философов психологи-практики обращаются к области естествознания. В 1906 г. на Первом съезде по педагогической психологии петербургский сурдопедагог П. Д. Енько предлагал при изложении в школах результатов объективных исследований в области так называемых психических явлений «...пользоваться языком, выработанным профессором И. П. Павловым для изложения объективных исследований по функциональной физиологии центральной нервной системы» [7, с. 18]. Выступая в прениях по докладу И. П. Павлова «Рефлекс цели» на Третьем съезде по экспериментальной педагогике (1916), А. Ф. Лазурский указал, что «из современных физиологов И. П. Павлов со своей школой дал для психологии больше, чем кто-либо другой. Его физиологические построения, отмечал А. Ф. Лазурский, раскрыли обратную сторону тех процессов, которые психологи называют ассоциациями... Приступая к изучению активности, физиологи еще больше подходят к психологии, так как активность является одной из основных проблем в психологии. Физиология и психология, – закончил выступление А. Ф. Лазурский, – должны идти рука об руку» [7, с. 19].

Однако собственное учение А. Ф. Лазурского о личности проникнуто механицизмом и свидетельствует о непонимании общественной сущности человека. Различая во всякой человеческой личности эндопсихику (т. е. основную нервно-психическую организацию) и экзопсихику (т. е. психику, взятую в

ее отношении к среде), он «механически противопоставлял их друг другу, не сумев увидеть в человеке диалектического единства наследуемого и приобретенного, биологического и социального» [7, с. 20].

Анализ понятия личности в связи с целями воспитания дал М.М. Рубинштейн. Он особо подчеркнул значение социальной стороны жизни личности. «Рост и жизнь личности становятся по существу вне общественной жизни невысказанными» [6, с. 165]. Поэтому воспитание, цель которого формирование личности, должно «дополнить себя и пропитать себя социальным характером» [6, с. 165]. Социальный характер личности, связь развития личности и культуры М.М. Рубинштейн считал ключевым моментом в трактовке понятия личности. Личность – это продукт не естественного, природного развития, а исторического, культурного. «Природа и естество в чистом смысле этого слова личность не знают, потому что она, есть детище, возвращенное искусственным, культурным развитием, так что культура и личность оказываются двумя понятиями, невысказанными друг без друга» [6, с. 166].

Н.Д. Виноградов в 1916 г. отмечал, что «фактор развития личности – процесс воспитания – выступает активной силой, направляющей развитие подрастающих поколений в соответствии с педагогическим идеалом, выработанным общественным сознанием» [6, с. 167].

Таким образом, развитие социально-психологических знаний в основном осуществлялось на базе методологии эмпирической педагогической психологии. Основным предметом исследований становится взаимодействие в системе «человек–личность». Было признано, что обучение векторизует природное развитие, культура обуславливает личностное развитие. Однако нарастание противоречий между экспериментальной практикой и метафизическими концепциями сознания приводит к острому методологическому кризису. Кризисные явления охватывают всю психологию и находят отражение во всех ее разделах, отраслях и школах.

Расстановка сил на психологическом фронте в предреволюционную эпоху в условиях обострения методологического кризиса характеризуется значительной сложностью для историко-психологического исследования. Сближаясь между собой в одном, отдельные психологические школы обнаруживали существенные расхождения в других отношениях. Прав был Н.Н. Ланге, когда писал: «Ныне общей, то есть общепризнанной, системы в нашей науке не существует. Она исчезла вместе с ассоцианизмом. Психолог наших дней подобен Приаму, сидящему на развалинах Трои» (1914) [7, с. 10]. Помимо собственно-психологического кризиса, мозаичность и непоследовательность основных теоретических концепций была обусловлена кризисом философских основ психологии, который также вел к размежеванию и выявлению реальных противоречий между передовыми и традиционными направлениями в науке.

В этот период оформляются и реально противостоят друг другу три основных направления в психологии. Эти направления могут быть условно обозначены как философская психология (Л. М. Лопатин, А. М. Введенский, С. Франк и др.), эмпирическая психология (А. П. Нечаев, И. А. Сикорский, Г. И. Челпанов и др.) и естественнонаучная психология (И. М. Сеченов, И. П. Павлов, В. М. Бехтерев и др.).

Наиболее выпукло концепция философской психологии представлена в трудах С. Л. Франка «По сути, своей "философской психологией", обобщая многие идеи своего времени (У. Джемса, А. Бергсона) и опираясь на исходные положения русской религиозно-философской мысли, ученый предложил программу «новой психологии», которая, по его мнению, явилась выходом из противоположности: материалистически и идеалистически ориентированных психологических систем. И в этом смысле конечная задача духовной психологии – создание благоприятной почвы для «истинного направления науки о «духе», подразумевающего ситуацию, «когда мы будем иметь вместо психологии человека-животного психологию человека-образа Божьего», по нашему мнению, была реализована Франком, хотя он ни в одной строке не упоминает Бога» [5, с. 44].

В книге «Душа человека» (1917) Франк следующим образом формулирует свое отношение к современной ему психологической науке или экспериментальной психологии, которая по его мнению «есть либо психофизика и психофизиология, либо же ... исследование явлений хотя и не физических, но вместе с тем и не психических» [12, с. 8].

Весьма неоднозначный, но внушительный вклад в становление и развитие экспериментальной психологии в России внес Г. И. Челпанов. Он явился основателем в России Психологического института им. Л. Г. Шукиной при Московском университете, который и возглавлял с 1912 по 1923 гг. Считал, что исходя из принципа психофизического параллелизма следует признать самостоятельность психологии как науки, пользующейся интроспективным методом [4, с. 237]. Задачу эксперимента Челпанов видел в том, чтобы сделать возможным точное самонаблюдение.

Особое место в предреволюционный период развития психологии занимает В. И. Бехтерев, представитель естественнонаучной линии. В специальной социально-психологической работе «Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки» (1911) содержится развернутое изложение взглядов Бехтерева о сущности социально-психологических явлений, предмете социальной психологии, методах этой отрасли знаний. «Через 10 лет он публикует свой фундаментальный труд «Коллективная рефлексология» (1921), который может рассматриваться как первый в России учебник по социальной психологии» [9, с. 470].

Таким образом были предприняты попытки выхода из методологического кризиса психологии посредством разработки различных программ,

базирующихся на коррекции либо методологических проблем, либо теоретических концепций, либо экспериментального подхода.

По-разному сложилась судьба каждого из рассмотренных направлений. Мониторинг исследований начального периода развития советской социальной психологии 20–30-х гг. демонстрирует, что она практически отказалась от богатейшего наследства, оставленного предшественниками в отечественной науке, предпочтя строить социальную психологию заново на основе марксизма-ленинизма.

Литература

1. Будилова Е. А. Социально-психологические проблемы в русской науке. М., 1983.
2. Вессель Н. Х. Избранные сочинения. М., 1959.
3. Герцен А. И. Сочинения: В 2 т. М., 1986. Т. 2.
4. Ждан А. Н. История психологии: от античности к современности. М., 1999.
5. Кольцова В. А. Психологическая наука в России XX столетия. М., 1997.
6. Никольская А. А. Возрастная и педагогическая психология дореволюционной России. Дубна, 1995.
7. Петровский А. В. Вопросы истории и теории психологии. М., 1984.
8. Советский энциклопедический словарь. М., 1990.
9. Современная психология: Справочное руководство. М., 1999.
10. Ралищев А. Н. Полное собр. соч. М., Л., 1941. Т. 2.
11. Ушинский К. Д. Собр. соч.: В 11 т. М., Л., 1948. Т. 3.
12. Франк С. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. Пг., 1917.
13. Чернышевский Н. Г. Собр. соч.: В 5 т. М., 1974. Т. 4.
14. Шихирев П. Н. Современная социальная психология. М., 1999.

Н. К. Плавник

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ – ВЕДУЩИЙ КОМПОНЕНТ ЛИЧНОСТИ В РАННЕМ ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Тема юношеского самоопределения все больше привлекает отечественных психологов. В ее русле изучаются такие феномены, как психологическая адаптация к кризисным событиям (Л. А. Пергаменщик), ценностные ориентации (П. А. Лихтарников, П. А. Регуш), профессиональный выбор (Ф. И. Иващенко) и др. Данная статья направлена на уяснение понятия «самоопределение в раннем юношеском возрасте», а также некоторых его составляющих.